

СОВРЕМЕННАЯ АКСИОЛОГИЯ: НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ряд центральных проблем философии ценностей, или аксиологии, нуждается, по всей видимости, в прояснении. В числе этих проблем определение понятия ценности; неустойчивость границы между сущим и должным; роль ценностей в научном познании и, прежде всего, в социальных и гуманитарных науках.

Человек не только созерцающее, но и практическое, действующее существо, опирающееся в процессе своей деятельности на принятые им цели, проекты, планы, идеалы, нормы, конвенции и др., формируемые эксплицитными или имплицитными оценками. Если цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, в котором мы существуем, то цель оценки – сделать так, чтобы мир отвечал словам. Это положение диктует общую линию подхода к анализу ценностей. И ценность, и истина являются не свойствами, а отношениями. И истинно то утверждение, которое соответствует описываемой им ситуации. Позитивно ценной является ситуация, отвечающая предъявляемым к ней требованиям.

Возникновение аксиологии. Прежде всего – несколько слов о возникновении аксиологии как особого раздела философии. Иногда высказывается мнение, что аксиология начала развиваться только со второй половины XIX в.¹ Сам термин ввел в 1902 г. французский философ П.Лапи, а уже в 1904 г. Э. фон Гартманн использовал этот термин для именованя раздела философии, занимающегося ценностями.

Все это, однако, чисто внешняя сторона дела. Термин «эстетика» А.Г.Баумгартен ввел только в XVIII в., но эстетика как философская дисциплина восходит еще к античности. Термин «капитализм», отмечает историк Ф.Бродель, стал употребляться лишь с начала XX в., но зарождение капитализма относится еще к XIV–XV вв.

Аксиология начала складываться еще в античной философии. Можно без особого преувеличения сказать, что аксиология, в сущности, столь же стара, как и сама философия.

Здесь достаточно вспомнить борьбу Платона с *симулякрами* – образами, не имеющими прототипа в реальном мире. Постмодернисты, в частности Ж.Бодрийяр, первоначально понимали их как «пустые формы», «псевдовещи». Лишь позднее Ж.Делёз, метафорично назвавший симулякры «неподобными подобиями», определил основную цель философии Платона как борьбу с симулякрами. Согласно Платону, существуют копии и существуют также симулякры-фантазмы. Задача состоит в том, чтобы обеспечить победу копии над симулякром, подавить его, загнать на самое дно и не давать ему выйти на поверхность.

Иначе говоря, все художественные образы делятся на *репрезентативные* – представляющие то, что *есть* в реальности, и *нерепрезентативные* – того, чего нет в реальности, но что, как представляется художнику или философу, *должно иметь место*. Репрезентативный, или, как его назвал Аристо-

¹ См., например: Философия: Энцикл. словарь (М., 2004), статья «Аксиология». О возникновении аксиологии в античной философии и о развитии философии ценностей в более позднее время см.: Ивин А.А. Аксиология. М., 2006. С. 28–45.

тель, миметический, образ подражает действительности. Нерепрезентативный, или немиметический образ (симулякр), говорит о явлении, которое еще не наступило и, возможно, никогда не наступит, но которому следовало бы иметь место. Симулякры являются образами в том же смысле, что и миметические образы: и те, и другие представляют собой не понятия, а эмоционально насыщенные картинки, обращенные в первую очередь не к разуму человека, а к его чувствам. Если существовать в смысле Платона значит иметь свой прообраз в мире эйдосов, то симулякры действительно не должны существовать. Делёз прав: проблему симулякра, в самом деле, можно считать центральной в философии Платона. То, что не существует, но – по чьему-то разумению – должно было бы иметь место следует, согласно Платону, исключить и из искусства, и из самой жизни. Мир идей, по Платону, это неизменное бытие, в нем нет становления. Коль скоро становление отсутствует, нужно исключить и то, чего реально не существует, но должно было бы быть.

Итак, аксиология берет свое начало отнюдь не в XIX в., а еще в античности; и центральный вопрос аксиологии – это разграничение сущего и должного².

Определение понятия ценности. Центральный момент всякого рассуждения о ценностях – это определение самого понятия *ценности*. И как раз этот момент чаще всего остается в тени. Разговор ведется так, будто заранее известно, что подразумевается под ценностью и чем суждение о ценности отличается от ее описания. Такой разговор неизбежно становится до крайности аморфным.

Существуют десятки определений понятия ценности. Они различаются деталями, но суть их обычно одна: ценностью объявляется предмет некоторого интереса, желания, стремления и т. п., или, короче говоря, объект значимый для человека или группы лиц. В общем случае, ценностью является, как говорил Р.Б.Перри, *любой предмет любого интереса*³.

На всех подобного рода определениях сказывается обычное убеждение, что истина – это свойство мыслей, правильно отображающих действительность, а ценность – свойство самих вещей, отвечающих каким-то целям, намерениям, планам и т. п.

Важно с самого начала подчеркнуть, что ценность, как и истина, является не свойством, а отношением между мыслью и действительностью.

Утверждение и та ситуация, которой оно касается, могут находиться между собой в отношениях разных уровней – *описательном* и *оценочном*. В случае первого отправным пунктом сопоставления является ситуация. Утверждение выступает как ее описание и характеризуется в терминах «истинно» и «ложно». В случае оценочного отношения мысли и действительности исходным является утверждение, функционирующее как стандарт, перспектива, план и т. п. Соответствие ему ситуации характеризуется в терминах «хорошо», «безразлично» и «плохо».

Истинным является утверждение, соответствующее описываемой им ситуации. Позитивно ценной следует считать ситуацию, соответствующую высказанному о ней утверждению, отвечающую предъявляемым к ней требованиям. То есть позитивно ценной является такая ситуация, какой она *должна быть* в соответствии с существующим в данном обществе образцом или стандартом объектов рассматриваемого рода, или в соответствии с представлениями субъекта о совершенстве таких объектов.

² Хорошие примеры развития аксиологии от античности до наших дней содержатся в книге: История этических учений / Под общ. ред. А.А.Гусейнова. М., 2003.

³ См.: Perry R.B. General Theory of Value. N.Y., 1926. P. 6–9.

Допустим, что сопоставляются дом и его план. Можно, приняв за исходное дом, сказать, что план, соответствующий дому, является истинным. Но можно, считая исходным план, сказать, что дом, отвечающий плану (например, плану архитектора), является хорошим, т. е. таким, каким он должен быть.

Возможны, таким образом, два разных направления приспособления между словами и миром: описательное и оценочное.

Хороший пример на эту тему принадлежит английской исследовательнице Г.Энскомб⁴. Предположим, что некий покупатель, снабженный списком, наполняет в универсаме свою тележку указанными в этом списке товарами. Другой человек, наблюдающий за ним, составляет список отобранных им предметов. При выходе из магазина в руках у покупателя и его наблюдателя могут оказаться два совершенно одинаковых списка. Но функции данных списков окажутся совершенно разными. Для покупателя отправным пунктом служит список. Мир, преобразованный в соответствии с последним и отвечающий ему, будет позитивно ценным (хорошим). Для наблюдателя исходным является мир. Список, соответствующий ему, будет истинным. Различие позиций покупателя и наблюдателя особенно ярко проявляется, когда кто-либо из них допускает ошибку. Если ошибается покупатель, для исправления своей ошибки он предпринимает *предметные действия*: он видоизменяет плохой, не отвечающий списку мир своей тележки. Если ошибается наблюдатель, он вносит изменения в *свои слова*: исправляет ложный, не согласующийся с содержимым тележки список.

Таким образом, цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, а цель оценки – чтобы мир отвечал словам. Это две диаметрально противоположные функции. Очевидно, что они не сводимы друг к другу. Нет также оснований считать, что описательная функция языка является первичной или более фундаментальной, чем его оценочная функция.

Определение позитивной ценности (добра) как соответствия объекта мысли о ней можно назвать *классическим*, поскольку оно восходит еще к античности. Данное определение ценности можно назвать также *абсолютным*, имея в виду его независимость от каких-либо конкретных свойств объектов, сопоставляемых с мыслью.

Хотя истина и ценность представляют собой отношения между идеями и вещами, в обычном употреблении и истина, и ценность предстают как свойства. Один из двух элементов истинностного и ценностного отношения, как правило, опускается. Какой именно, это зависит от исходной точки зрения, той цели, ради которой сопоставляются идея и объект. Если целью является описание, то не упоминается объект, и истинной считается сама мысль (высказывание). Если цель – оценка, абстрагируются от мысли, под которую подводится объект, и ценность приписывается объекту. Именно этими своеобразными абстракциями объясняется обычное убеждение, что истина – это свойство мыслей, правильно отображающих реальность, а ценность – свойство самих вещей, отвечающих каким-то целям, намерениям, планам и т. п.

Как правило, эти особенности употребления «истины» и «ценности» не ведут к недоразумениям. Однако при непосредственном сопоставлении истины и ценности сведения отношений к свойствам следует избегать.

В обычном языке между истиной и ценностью имеется определенная асимметрия. Слово «истинный» употребляется, как правило, только применительно к утверждениям, слово же «хороший» многофункционально. Интересно отметить, что в выражениях, подобных «истинный друг» и «истинное

⁴ См.: *Anscombe G.E.M. Intention. Oxford, 1957. Ch. 1.*

произведение искусства», слово «истинный» имеет смысл: «соответствующий своему стандарту» или «такой, каким и должен быть», т. е. употребляется вместо слова «хороший» («настоящий», «подлинный» и т. п.). Иногда это обстоятельство используется как повод поговорить о «двух видах» истины. Так поступал, в частности, Г.В.Ф. Гегель⁵. Еще раньше о «двух видах истины» говорили Фома Аквинский, И. Кант и др.⁶

Еще один момент асимметрии «истинного» и «хорошего»: установление истинностного отношения чаще всего не отмечается, выражение ценностного же отношения обычно требует специальных языковых средств. Просто сказать, что «небо голубое», все равно что сказать «истинно, что небо голубое». Оценка обычно предполагает использование особых «оценочных» слов: «хорошо, что небо голубое», «небо должно быть голубым» и т. п.

Всякая оценка предполагает, помимо своего предмета и оценивающего субъекта, также определенное *основание*, т. е. то, с точки зрения чего производится оценивание. Нередко основание оценки только подразумевается и не находит явного выражения. Для описательного высказывания, скажем, «истинно, что этот стол желтый» нет необходимости указывать основание, поскольку основания описательных высказываний всегда совпадают. В этом смысле они не зависят от точки зрения, являются, как говорят, интерсубъективными. Оценочные высказывания принципиально отличаются в этом плане от описательных: разные оценки могут иметь разные основания. Оценка «хорошо, что этот стол желтый» эллипсична: она говорит о соответствии стола какой-то цели, идее, не уточняя, однако, последнюю. «Хорошо, что этот стол желтый, так как, имея другой цвет, он не вписывался бы в интерьер» – это полная оценка, формулировка которой включает основание. Она прямо говорит о том, что рассматриваемый стол соответствует определенной идее, имеющейся идее интерьера.

Указанные различия между истинностным и ценностным употреблением языковых выражений существенно затемняют параллель, существующую между истиной и ценностью как двумя характеристиками отношения человеческой мысли к миру. Затемняют, но отнюдь не разрушают и не устраняют ее.

Языковое выражение ценностного отношения. Всякий раз, когда объект сопоставляется с мыслью на предмет соответствия, возникает ценностное отношение. Далеко не всегда оно сознается, еще реже оно находит выражение в особом высказывании.

Формы явного и неявного вхождения ценностей в наши рассуждения, и в частности в научные теории, многочисленны и разнородны. Что касается языкового выражения ценностного отношения, то чаще всего оно фиксируется утверждениями с явным или подразумеваемым «должно быть»: «ученый должен быть критичным», «всякое явление должно иметь причину», «металл должен быть ковким» и т. п. Явные абсолютные оценки часто выражаются в форме «хорошо (плохо, безразлично), что это и то», или опять-таки с «должно быть». В явных сравнительных оценках используются наречия «лучше» («предпочтительнее»), «хуже» и «равноценно».

К выражениям оценочного характера относятся, помимо явных оценок, также всякого рода *стандарты, правила, образцы, идеалы, утверждения о целях, конвенции, аналитические высказывания, номинальные определения*

⁵ См., например: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 126–127.

⁶ См.: Thomas Aquinas. Summa theologiae. Ie. 4. 1c. У Канта неоднократно встречается идея, что истина двойственна: она означает соответствие мысли тому предмету, которого она касается, и вместе с тем соответствие самого предмета – мысли о нем. На это обратил внимание А.С. Гулыга (см.: Философия Канта и современность. М., 1974. С. 127).

и т. п. Нетрудно показать, что *нормы* всех видов являются частным случаем оценок, а именно – оценками с санкцией: «обязательно А» означает, что А – позитивно ценно и хорошо, что если А не реализуется, то последует наказание. Норма разлагается, таким образом, на две оценки.

Очевиден оценочный характер *традиций, советов, пожеланий, методологических и иных требований, предостережений, просьб, обещаний и т. п.* Оценки входят неявно и в утилитарные (или инструментальные) оценки, устанавливающие цели и указывающие средства их достижения.

Говоря о формах, в которых воплощается ценностное отношение, нужно отметить, что многие понятия, как обычного языка, так и языка науки, имеют явную оценочную окраску. Их иногда называют «оценочными», или «хвалебными», круг их широк и не имеет четких границ. В числе таких понятий «наука» как противоположность мистике и иррационализму, «знание» как противоположность слепой вере, «теория», «труд», «рациональность», «факт» и т. д. Сами понятия «истины» и «ценности» имеют в большинстве своих употреблений оценочный оттенок. Введение подобных понятий редко обходится без одновременного привнесения неявных оценок. Сказать о каком-то утверждении, что это – истина, часто значит не просто констатировать соответствие его реальному положению дел, но и как-то одобрить его. Стремление к истине является, как принято считать, позитивно ценным, поэтому каждое конкретное истинное утверждение – если, конечно, оно новое и глубокое, а не банальность типа «сажа черная», – обычно оценивается положительно. Но возможность такой оценки не означает, разумеется, что истинностное отношение идеи к действительности переворачивается и превращается в их ценностное отношение.

Часто приводимое положение, что «истина – это одна из ценностей» двусмысленно. Верно, что поиски истины заслуживают одобрения, но неверно, что истинностное отношение – частный случай ценностного.

Ценности входят в рассуждение не только с особыми «хвалебными» словами. Любое слово, сопряженное с каким-то устоявшимся стандартом – а таких слов в языке большинство, – обычно вводит при своем употреблении неявную оценку. «...Слова суть этикетки, – писал французский эстетик Ж. Жубер. – Поэтому, ища их, обретаешь и вещи»⁷.

Таким образом, не только «хвалебные», но и, казалось бы, оценочно нейтральные слова способны выражать ценностное отношение. Это делает грань между «есть» и «должно быть» особенно нечеткой. Вне контекста употребления выражения, как правило, невозможно установить, описывает оно или оценивает, либо же делает и то и другое сразу.

Описательно-оценочные высказывания. Зыбкость и неустойчивость границы между сущим и должным с особой наглядностью демонстрирует частое – можно сказать, обычное – употребление в языке двойственных, *описательно-оценочных утверждений*. В зависимости от ситуации использования с их помощью или описывают, или оценивают. Но нередко даже знание ситуации не позволяет с уверенностью сказать, какую из этих двух функций выполняет рассматриваемое утверждение. К описательно-оценочным выражениям относятся принципы морали, правила частной и общей практики, регулятивные принципы познания, научные законы и т. д.

Еще Сократ столкнулся с затруднением, связанным с возможностью как истинностной, так и ценностной интерпретации одного и того же утверждения или рассуждения. На вопрос, может ли справедливый человек однажды совершить

⁷ Жубер Ж. Дневники // Эстетика раннего французского романтизма. Т. 1. М., 1992. С. 345.

несправедливый поступок, он отвечал, что нет: если это произойдет, человек перестанет отвечать идее справедливого. Л.Шестов писал по этому поводу: «Сократовское уверение, что с дурным не может приключиться ничего хорошего, а с хорошим ничего дурного – есть “пустая болтовня” и “поэтический образ”, который он подобрал где-то на большой дороге или в еще худшем месте...»⁸.

О пословице «пророк действительно пророчесствует» Р.Карнап пишет, что она тавтологична, и потому не несет никакой информации⁹. Очевидно, это не так. В истинностной интерпретации пословица действительно является тавтологией. Но в ценностной интерпретации она выражает определенное требование к тому, кого именуют пророком: он должен прорицать. Сходным образом, афоризм «Турнирное счастье всегда на стороне призеров» является содержательно пустым в истинностном истолковании, но в ценностном – устанавливает важное условие успеха в турнире: везение.

Между полюсами чистых описаний и чистых оценок располагаются следующие типы описательно-оценочных утверждений:

– *акцентуированные*, или *оценочно окрашенные высказывания*, имеющие главным образом описательное содержание, но функционирующие в системе определенных общих ценностей и несущие на себе их оттенок; хорошими примерами таких высказываний могут служить определения толковых словарей, правила грамматики (П.Ф. Стросон) и т. п.

– *научные законы*, не только описывающие и объясняющие некоторые совокупности фактов, но и служащие стандартами оценки других утверждений теории;

– *высказывания о тенденциях социального развития*, подводящие итог предшествующим стадиям эволюции социальных явлений и структур и намечающие перспективу их дальнейшего развития;

– *правила частной человеческой практики*, обобщающие опыт деятельности в какой-то области и дающие на этой основе рекомендации, как оптимизировать данную деятельность (иногда такие правила имеют вид чистых описаний);

– *принципы морали* как правила определенной, хотя и весьма широкой практики;

– *правила логики и математики*, являющиеся правилами всякой, или универсальной практики и, вместе с тем, сохраняющие определенное описательное содержание, а значит, известную претензию на истинность.

О двух смыслах слова «хороший». Слово «хороший» и многочисленные его синонимы служат не только для выражения оценок или описательно-оценочных утверждений. В разных контекстах «хороший», «безразличный» и «плохой» выполняют различные функции. Наиболее существенны две из них:

- *функция выражения* ценностного отношения, или формулировка оценки;
- *функция замещения* совокупности каких-то эмпирических свойств.

Обычное употребление предложений типа: «это – прекрасный поступок», «я люблю, когда правила выполняются неукоснительно», «поведение этих людей возмущает меня» и т. п. – это употребление их для выражения определенных психических состояний, связанных с ценностями, и, соответственно, для прямого или косвенного побуждения к действию.

Оценочные понятия могут использоваться не только для выражения ценностных отношений, но и для замещения тех или иных совокупностей данных в опыте свойств. Обычное употребление предложений типа «это –

⁸ Шестов Л. Скванный Парменид. Париж, 1927. С. 50–51.

⁹ См.: Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. С. 171.

преступная небрежность», «автомобили такой-то марки являются плохими», «данное вещество – прекрасное лекарство» и т. п. – это использование их с намерением указать, что рассматриваемые объекты обладают вполне определенными свойствами: являются нарушением закона, имеют малую или большую скорость, быстро излечивают какие-то болезни и т. д.

Термины «хороший» и «плохой», употребляемые в высказываниях о вещах разных типов, говорят о наличии у этих вещей разных свойств. Более того, «хороший» и «плохой», высказываемые о вещах одного и того же типа, но в разное время, иногда замещают разные или даже несовместимые друг с другом множества свойств.

Слова «хороший», «плохой», «лучший», «худший» и т. п., выполняющие функцию замещения, характеризуют отношение оцениваемых вещей к определенным образцам, или стандартам. В этих складывающихся стихийно и имеющих социальную природу стандартах указываются совокупности эмпирических свойств, которые, как считается, должны быть присущи вещам. Для вещей разных типов существуют разные стандарты: свойства, требуемые от хороших адвокатов, не совпадают со свойствами, ожидаемыми от хороших полководцев, и т. п.

Для отдельных типов вещей имеются очень ясные стандарты. Это позволяет однозначно указать, какие именно свойства должна иметь вещь данного типа, чтобы ее можно было назвать хорошей. В случае других вещей стандарты расплывчаты и трудно определить, какие именно эмпирические свойства приписываются этим вещам, когда утверждается, что они являются хорошими. Легко обозначить, например, свойства хорошего ножа для рубки мяса или хорошей коровы. Сложнее определить, что тот или иной человек понимает под хорошим домом или хорошим следователем. И совсем трудно вне контекста решить, какой смысл вкладывается в выражение «хороший поступок» или «хорошая шутка».

Для отдельных вещей вообще не существует сколько-нибудь определенных стандартов. С ножами, адвокатами, докторами и шутками приходится сталкиваться довольно часто, их функции сравнительно ясны и сложились устойчивые представления о том, чего следует ожидать от хорошего ножа, доктора и т. д. Но что представляет собой хорошая планета? Сказать, что это такая планета, какой она должна быть, значит ничего не сказать. Для планет не существует стандарта, или образца, сопоставление с которым помогло бы решить, является ли рассматриваемая планета хорошей.

Две функции, характерные для оценочных и нормативных терминов, подобных «хорошему» и «должному» (функция выражения и функция замещения), независимы друг от друга. Слова «хороший», «плохой», «лучший», «должный» и т. п. могут использоваться лишь для выражения ценностного отношения, а иногда только для указания отношения оцениваемого предмета к достаточно устойчивому стандарту. Нередко, однако, эти слова употребляются таким образом, что ими выполняются обе указанные функции.

Проведение четкой границы между двумя разными функциями оценочных понятий позволяет объяснить многие странные на первый взгляд особенности употребления этих понятий.

Слово «хороший» может быть отнесено к очень широкому кругу объектов: хорошими могут быть и молотки, и адвокаты, и шутки и т. д. Разнородность класса хороших вещей отмечал еще Аристотель. Он использовал ее как довод против утверждения Платона о существовании общей идеи добра.

Хорошими могут быть вещи столь широкого и столь неоднородного класса, что трудно ожидать наличия у каждой из них некоторого общего качества, обозначаемого словом «хорошее».

Понятие функции замещения позволяет объяснить как факт необычайной широты множества хороших вещей, так и разнообразие тех смыслов, которые может иметь определение «хороший». Универсальность множества хороших вещей объясняется тем, что слово «хороший» не обозначает никакого фиксированного эмпирического свойства. Им представляются совокупности таких свойств, и при этом в случае разных типов вещей эти совокупности различны. Например, «красным», «тяжелым» и т. п. может быть названо лишь то, что имеет вполне определенные свойства. Употребление «хорошего», как и «должного», не ограничено никакими конкретными свойствами.

Английский философ Дж. Мур высказал следующие два положения о «добре», или «хорошем»: «добро» зависит только от внутренних (естественных) свойств вещи; но само оно не является внутренним свойством. Иными словами, является ли определенная вещь хорошей, зависит исключительно от естественных, или описательных свойств вещи, но слово «хороший» не описывает эту вещь¹⁰.

Эти положения кажутся на первый взгляд парадоксальными, но в действительности они дают довольно точную характеристику «добра» («хорошего»). Слово «хороший» ничего не описывает в том смысле, в каком описывают такие слова, как «синий», «ковкий» и т. п. Но то, что та или иная конкретная вещь является хорошей, определяется ее фактическими, или описательными, свойствами. Мур был, однако, не вполне прав, утверждая, что добро зависит только от естественных свойств вещи. Оно зависит в равной мере и от существования стандартов, касающихся вещей рассматриваемого типа.

Выражения, в которых термины «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже» и т. п. выполняют только функцию замещения, являются, по своей сути, описаниями и могут быть истинными или ложными. Процесс установления их истинностного значения состоит в сопоставлении свойств оцениваемого предмета со стандартом, касающимся вещей этого типа. Например, высказывание «это – хороший нож» истинно в том случае, когда рассматриваемый нож имеет морфологические и функциональные характеристики, отвечающие стандарту ножей данного типа. Для вещей многих типов не существует стандартов. Утверждения о том, что эти вещи являются хорошими или плохими, не имеют смысла. Естественно, что эти утверждения не имеют также истинностного значения.

Неясность многих стандартов и отсутствие устоявшихся представлений о том, какими должны быть вещи некоторых типов, не означает, конечно, что все оценки с точки зрения стандартов лишены истинностного значения.

Высказывания, в которых слова «хороший», «плохой», «лучший», «худший» и т. п. выполняют только функцию выражения, не являются ни истинными, ни ложными. Они ничего не описывают и ничего не утверждают, являясь всего лишь словесными выражениями определенных ценностных отношений.

Требование исключения ценностей из науки. В начале прошлого века М.Вебер выдвинул требование свободы социологической и экономической науки от ценностей. Обоснование его внешне было простым. Единственным критерием познания должна быть истина. Ценности вводятся в науку исследователем. Выражая его субъективные пристрастия и установки, они

¹⁰ Таких представлений о добре Мур придерживался не только в ранних работах: Moore G.E. *Principia Ethica*. Cambridge, 1903. Ch. 1; Moore G.E. *Ethics*. L., 1912. P. 37, но и в ответе своим критикам в книге: *Philosophy of G.E. Moore* / Ed. by P.A. Schilpp. Evanston, 1942.

искажают научную картину мира. Поэтому ученый должен четко осознавать ценности и нормы, привносимые им в процесс познания, и очищать от них окончательный его результат¹¹.

Тезис свободы от ценностей получил широкий резонанс, особенно среди сторонников неопозитивизма. «Ценностные суждения, – писал Р.Карнап, – являются не более чем приказами, принимающими грамматическую форму, вводящую нас в заблуждение... Они не являются ни истинными, ни ложными. Они ничего не утверждают, и их невозможно ни доказать, ни опровергнуть»¹². Как таковые ценностные суждения не имеют, конечно, никакого отношения к научному познанию. Наука вправе говорить о том, что *есть*, но не о том, что *должно быть*, и не о том, чему *лучше быть*. Она не может содержать ценностей и оценок.

Неопозитивистская идея, что включение оценочных элементов в науку является отступлением от идеала чистой науки, продолжает жить даже в условиях нынешнего упадка неопозитивизма.

Вместе с тем имеются многочисленные попытки как-то ослабить жесткий отказ от ценностей в научном познании и оправдать их правомерность если не во всех науках, то хотя бы в социальном познании. В частности, шведским экономистом Г.Мюрдалем был выдвинут известный постулат о допустимости в науках об обществе явных оценок: ученый вправе делать оценки, но он должен ясно отделять их от фактических утверждений. Мюрдаль писал: «Мы можем сделать наше мышление строго рациональным, но только путем выявления оценок, а не с помощью уклонения от них»¹³. Позднее Мюрдаль подчеркнул, что науки без оценок не бывает, и заметно расширил сферу, где неизбежны оценки. Постановка проблем, определение понятий, выбор моделей, отбор фактов – все это осуществляется на основании исходных установок исследователя. Крупные экономисты прошлого не были беспристрастными в своих оценках, но они сознательно занимали определенную позицию. Декларируемая объективность современных экономистов на проверку оказывается лишь иллюзией. Отказываясь открыто формулировать свои исходные принципы, исследователь подпадает под действие неявных предрассудков, т. е. удаляется от объективности.

Позиция Мюрдаля принимается многими: в естественных науках ценностей и, соответственно, оценок нет; социальная реальность вся проникнута идеологией, и поэтому ее познание невозможно без вынесения суждений оценочного характера; эти суждения должны формулироваться явно и их необходимо четко отделять от фактических, описательных утверждений. «Постулат Мюрдаля» нередко представляется как «оптимальная» позиция, не зависящая от исхода спора о роли ценностей и оценок в науке.

Очевидно, однако, что это и подобные ему «ослабления» неопозитивистской доктрины ничего не меняют в ее существе. Несомненна также утопичность постулата Мюрдаля. Ни одна реально существующая научная теория, включая и науки об обществе, не строится так, чтобы утверждения оценочного или описательно-оценочного характера отделялись в ней сколь-нибудь ясно от чисто описательных утверждений.

Ценности в социальных и гуманитарных науках. Обилие в науках об обществе неявных оценок и оценочно окрашенных утверждений заставляет обществоведа задумываться о ценностях на каждом этапе своего исследова-

¹¹ См.: Weber M. Der Sinn der "Wertfreiheit" der soziologischen und ökonomischen Wissenschaften // Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951. S. 475–526.

¹² Carnap R. Philosophy and Logical Syntax. L., 1935. P. 24–25.

¹³ Murdal G. An American Dilemma. N.Y., 1947. P. 1064.

ния. Социолог Ч.Миллс пишет: «Каждый обществовед всегда придерживается определенных ценностей, что косвенно отражается в его работе. Личные и общественные проблемы возникают там, где появляется угроза ожидаемым ценностям, и их нельзя четко сформулировать без признания существования этих ценностей»¹⁴. Не выраженная ясно морально-политическая позиция, заключает Миллс, гораздо больше влияет на результат, чем открытое обсуждение личной и профессиональной стратегии.

Если ценности – неотъемлемый элемент всякой деятельности, научное познание как специфическая форма деятельности не может быть свободным от них.

Представляется, что в естественных науках ценности играют роль строительных лесов, используемых при возведении научной теории. После ее создания такие леса снимаются и создается впечатление, что ценностей вообще нет в данных науках.

Иначе обстоит дело с социальными и гуманитарными науками. Они всегда, на каждом этапе развития своих теорий, содержат рекомендации, касающиеся человеческой деятельности. Экономическая наука, социология, политология, лингвистика, психология и т. п., перестроенные по образцу физики, в которой нет субъективных и потому ненадежных «оценок», практически бесполезны.

Некоторые фундаментальные оценки представители социальных наук принимают еще до начала всякого исследования, причем принимают чаще всего, не отдавая себе отчета в этом. Как пишет Г.Маркузе, до всякого начала размышления над проблемами общества и их исследования каждый ученый принимает два основополагающих оценочных положения:

- человеческая жизнь стоит того, чтобы ее прожить;
- существующее общество, и, прежде всего, его экономику, можно усовершенствовать в интересах благополучия человека¹⁵.

Без принятия этих, кажущихся совершенно очевидными идей, являющихся по своей сущности оценками, всякое исследование социальной жизни, в том числе экономической деятельности человека, теряет всякий смысл. Если человеку вообще незачем жить, стоит ли изучать детали его реальной жизни в существующем обществе? Если это общество в принципе не может быть усовершенствовано, и, прежде всего, в экономической сфере, стоит ли анализировать детали социальной жизни и выдвигать какие-то планы?

Действительная проблема наук, включающих явные или неявные оценочные утверждения (в частности, двойственные, описательно-оценочные высказывания), состоит в том, чтобы разработать *критерии обоснованности* и, значит, *объективности* такого рода утверждений и, по возможности, исключить необоснованные оценки¹⁶.

Оценивание всегда субъективирует. Науки о культуре отстают дальше от идеала объективности, чем науки о природе. Вместе с тем без оценочной субъективации и известного отхода от объективности невозможна деятельность человека по преобразованию мира.

Объективность описаний можно охарактеризовать как степень приближения их к истине. Объективность оценок связана с их *эффективностью*, являющейся аналогом истинности описательных утверждений и указывающей, в какой мере оценка способствует успеху предполагаемой деятельности. Эф-

¹⁴ Миллс Ч. Социологическое воображение. М., 2001. С. 202.

¹⁵ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2004. С. XII–XIII.

¹⁶ Проблема разных типов объективности научных утверждений и сложная иерархия способов научного обоснования подробно обсуждаются в работе: Ивин А.А. Современная философия науки. М., 2005. С. 150–160, 215–303.

фактивность устанавливается в ходе обоснования оценок и, прежде всего, — их целевого обоснования. Объективность оценок совершенно неправомерно отождествлять с их истинностью.

В эпистемологии Нового времени господствовало убеждение, что объективность, обоснованность и тем самым научность предполагают истинность, а утверждения, не допускающие квалификации в терминах истины и лжи, не могут быть ни объективными, ни обоснованными, ни научными. Данное убеждение было связано в первую очередь с тем, что под «наукой» имелись в виду прежде всего естественные науки. Социальные и гуманитарные науки считались всего лишь «преднауками», существенно отставшими в своем развитии от наук о природе.

Сведение объективности и обоснованности к истине опиралось на убеждение, что только истина, зависящая от устройства мира и потому не имеющая градаций и степеней, являющаяся вечной и неизменной, может быть надежным основанием для знания и действия. Там, где нет истины, нет и объективности, и все является субъективным, неустойчивым и ненадежным. Все формы отражения действительности характеризовались в терминах истины: речь шла не только об «истинах науки», но и об «истинах морали» и даже об «истинах поэзии». Добро и красота оказывались в итоге частными случаями истины, ее «практическими» разновидностями.

Позитивисты требовали решительного исключения любого рода «оценок» из языка науки. Представители философии жизни, стоявшей в оппозиции позитивизму, подчеркивали важность «оценок» для процесса человеческой жизнедеятельности и неустрашимость их из языка социальной философии и всех социальных наук.

Этот спор об «оценках» по инерции длится и сейчас. Однако очевидно, что, если социальные и гуманитарные науки не будут содержать никаких рекомендаций, касающихся человеческой деятельности, целесообразность существования таких наук станет сомнительной.

Не только описания, но и оценки, нормы и т. п. могут быть обоснованными или необоснованными. Действительная проблема, касающаяся социальных и гуманитарных наук, всегда содержащих явные или неявные оценочные утверждения (в частности, двойственные, описательно-оценочные высказывания), состоит в том, чтобы разработать надежные критерии обоснованности и, значит, объективности такого рода утверждений и изучить возможности исключения необоснованных оценок.

Науки о культуре значительно дальше от идеала объективности, нежели науки о природе. Вместе с тем без характерной для социальных и гуманитарных наук субъективации реальности и, следовательно, отхода от объективности невозможна деятельность человека по преобразованию мира.

В естественных науках также имеются разные типы объективности. В частности, физическая объективность, исключая телеологические (целевые) объяснения, явным образом отличается от биологической объективности, обычно совместимой с такими объяснениями. Объективность космологии, предполагающей «настоящее» и «стрелу времени», отлична от объективности тех естественных наук, законы которых не различают прошлого, настоящего и будущего.

Идеалом науки, представляющейся сферой наиболее эффективного преодоления субъективности, является окончательное освобождение от «точки зрения», с которой осуществляет рассмотрение некоторый «наблюдатель», описание мира не с позиции того или иного индивида, а «с ничьей точки

зрения» (Э.Кассирер). Этот идеал никогда не может быть достигнут, но наука постоянно стремится к нему, и это стремление движет ее вперед. Как раз этот идеал фиксируется понятием истины.

Описаниям удается, как правило, придать большую объективность, чем оценкам. Это связано, прежде всего, с тем, что в случае описаний всегда предполагается, что их субъекты совпадают, так же как и их основания; оценки же могут не только принадлежать разным субъектам, но и предполагают разные основания в случае одного и того же субъекта. В этом смысле оценки всегда субъективны.

Как требование освобождения от оценок социальных и гуманитарных наук, так и пожелание отделения в этих науках оценок от описаний утопичны. Речь может идти только о необходимости тщательного обоснования оценок, уменьшения их субъективности в той мере, в какой это возможно, и исключении необоснованных, заведомо субъективных оценок.

«Всякое оценивание, – пишет М.Хайдеггер, – даже когда оценка позитивна, есть субъективация. Оно предоставляет существу не быть, а, на правах объекта оценивания, всего лишь считаться. Когда бога, в конце концов, объявляют “высшей ценностью”, то это – принижение божественного существа. Мышление в ценностях здесь и во всем остальном – высшее святотатство, какое только возможно по отношению к бытию»¹⁷. Хайдеггер призывает «мыслить против ценностей» с тем, чтобы, сопротивляясь субъективации сущего до простого объекта, открыть для мысли просвет бытийной истины: «...из-за оценки чего-либо как ценности оцениваемое начинает существовать просто как предмет человеческой оценки. Но то, чем нечто является в своем бытии, не исчерпывается предметностью, тем более тогда, когда предметность имеет характер ценности»¹⁸.

Пожелание Хайдеггера не претендовать на установление универсальной, охватывающей все стороны человеческого существования иерархии ценностей и даже избегать, по мере возможности, оценок того, что лежит в самой основе социальной жизни, является в известной мере оправданным. Глубинные основы социального существования в каждый конкретный период истории воспринимаются и переживаются человеком, живущим в это время, как непосредственная данность, т. е. как нечто объективное. Попытка вторгнуться в эти основы с рефлексией и оценкой лишает их непосредственности и субъективирует их.

Но есть, однако, и другая сторона дела. Социальная жизнь, как и жизнь отдельного человека, представляет собой процесс непрерывных перемен, причем перемен, являющихся во многом результатом самой человеческой деятельности. Никакая деятельность не является возможной без оценок. Она невозможна поэтому без связанной с оценками субъективации мира и превращения сущего в тот «простой объект», который может быть преобразован человеком.

Человек не должен субъективировать все подряд, иначе «истина бытия» перестанет ощущаться им, и он окажется в зыбком мире собственной рефлексии и фантазии. Вместе с тем человек не может не действовать, и значит, он должен оценивать и тем самым разрушать объективное. Мысли, ищущей истины, он постоянно противопоставляет мышление в ценностях.

Проблема не в исключении одного из этих противоположно направленных движений мысли, а в их уравнивании, в таком сочетании объективации и субъективации мира, которое требуется исторически конкретными условиями человеческого существования.

¹⁷ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Человек и его ценности. Ч. 1. М., 1988. С. 47.

¹⁸ Там же.

Знание в широком и узком смысле слова. Знание является связующей нитью между человеческим духом, природой и практической деятельностью. В самом общем смысле знать – значит иметь ясное, обоснованное представление не только о том, что есть, но и о том, что должно быть.

Долгое время считалось, что знать можно только истину. Но уже в XIX в., когда стало очевидным, что человек – активное существо, не способное жить вне практической деятельности по преобразованию мира, к знанию были отнесены также ценности, говорящие не о том, что есть, а о том, что должно быть. Знать можно не только истину, но и добро, и прекрасное, не сводимые к истине.

Известно, например, что человек должен быть честным. Но это не истина, а именно утверждение о долженствовании. Люди не всегда честны. Однако это не мешает утверждать, что от человека требуется честность. Более того, чем больше нечестных людей появляется в обществе, тем с большей настойчивостью должно звучать требование честности.

Наши представления о том, что следует заботиться о близких, что нельзя задаваться и представлять себя центром вселенной и т. п. – все это знание, хотя касается оно не того, что есть, а того, что должно быть. Нужно, таким образом, различать *знание в узком смысле*, всегда являющееся знанием истины, и *знание в широком смысле*, охватывающее не только истину, но и добро, и прекрасное.

Человек не только познает мир, но и действует на основе полученного знания. Это означает, что знание в широком смысле включает, помимо представлений о том, что имеет место, также планы на будущее, оценки, нормы, обещания, предостережения, идеалы, образцы и т. п. У человека есть достаточно ясные, обоснованные представления о добре и его противоположности – зле. Но добро – не разновидность истины, как считалось когда-то. Утверждения о хорошем и плохом, достойном и недостойном не являются истинными или ложными. Истина не меняется со временем, добро же является по-разному разным эпохам и обществам.